

А л е к с а н д р В А Р Г О

ПАРАЛИЗОВАННАЯ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В18

Ранее книга выходила под названием «Приют»

Варго, Александр.
В18 Парализованная / Александр Варго. —
Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с. —
(MYST. Черная книга 18+).

ISBN 978-5-04-091955-0

Знаменитая семейка Адамс ничто в сравнении с семейкой, живущей в тайге в Оранжевом домике. Парализованная бабуля не прочь отведать свежей крови, девятилетний внучок Олег запросто ест новорожденных крысят, а дочка Дина с удовольствием пыгает в подвале попавших в ее руки людей. Братьям Ярику и Митричу, а также их подруге Руте, нашедшим здесь приют, пришлось пройти через все муки ада, прежде чем они поняли: кто попал в Оранжевый домик, живым из него не возвращается...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091955-0

© Варго А., 2014
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Старость — это пустынный остров, окруженный смертью...

Все имена и географические названия вымышлены.

ЧАСТЬ 1

...Подошли Гензель и Гретель ближе к избушке и увидели, что сделана она из хлеба, крыша — из пряников, а окна — из прозрачного леденца...

Братья Гримм. «Пряничный Домик»

Прыг да скок, туда — сюда, крыша едет — не беда, жизнь лишь сон, а мир — фуфло, это, братец, запаadlo, только ты не унывай, лучше вмажемся давай!

Стивен Кинг. «Стрелок»

1

— Я хочу жрать. Если увидишь какую-нибудь забега-ловку, скажи.

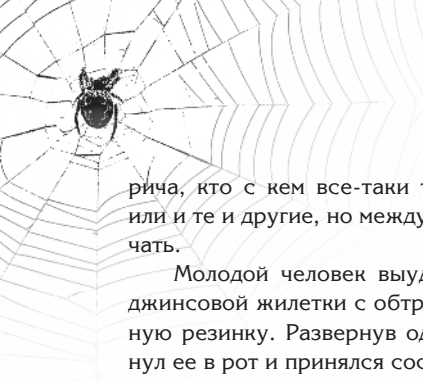
— А у тебя что, глаз нет?

— Ярик, не зли меня. У меня сегодня хреновое настроение, и не в твоих интересах лезть мне под руку.

— Я просто...

— Просто, Ярик, трахаются гномики. И мыши. А теперь помолчи.

Ярик, то бишь Ярослав, скорчил недовольную физиономию и откинулся на сиденье. Он хотел спросить Мит-

рича, кто с кем все-таки трахается: гномики с мышами или и те и другие, но между собой, однако решил промолчать.

Молодой человек выудил из кармана замусоленной джинсовой жилетки с обтрепавшимися краями жевательную резинку. Развернув одну пластинку, он ловко закинул ее в рот и принялся сосредоточенно жевать, рассеянно поглядывая по сторонам. Пейзаж был довольно однообразным — серая асфальтовая дорога да бескрайние поля. Какая, к чертям, забегаловка в этой пустыне? Солнце стояло в зените, и, даже несмотря на бешеную скорость, с которой несли их «Опель» (все окна были открыты до максимума), в салоне машины стояла духота.

— По-моему, после Дмитровки должен быть... Ярик?

Ярик надул пузырь из жвачки. Некоторое время влажный шар оставался недвижимым, а затем с сочным «чпок!» лопнул, облепив всю нижнюю часть лица юноши.

— Ярик! ЯРИК! Мать твою, я к тебе обращаюсь!!!

— Ты сказал, чтобы я помолчал, — снисходительно проговорил молодой человек, старательно вытирая лицо.

Митрич зло крутанул руль в сторону, обойдя справа раздавленного зайца.

— Это правило действует до тех пор, пока я сам не заговорю с тобой. — Тон Митрича стал спокойней. — Посмотри в бардачке, нет ли там карты.

С обреченным видом, словно ему предстояло вычерпать кружкой Мировой океан, Ярик принялся копошиться в бардачке. Старая записная книжка, пустая сигаретная пачка, носовой платок и гелевая ручка.

— Ни фиги там нет, — объявил он, вновь откидываясь на сиденье.

Митрич выругался и нажал на педаль акселератора. Мотор натужно захрипел, возмущенно протестуя против новой нагрузки.

— Бензина хватит? — без особой надежды на отрицательный ответ спросил Ярик брата. Митрич молчал, нахмутив брови, и Ярик решил оставить его в покое.

Да, бензина должно хватить. Иначе и не может быть, по крайней мере, Ярик на это очень надеялся. Надежда — это единственное, что осталось у него и его брата близнеца Митрича (настоящее имя его было Дмитрий, но Ярик не помнил, чтобы кто-нибудь называл его так).

На самом деле этими именами их наградила не мать,

ПАРАЛИЗОВАННАЯ

а тетка. Их истинные имена (если они вообще были) исчезли вместе с их матерью.

Ярик почти не помнил ее. Непрекращающаяся пьяная ругань, смех, запах дешевого портвейна и холодные сухие руки — вот, собственно, и все воспоминания о ней. Митрич же, наоборот, достаточно хорошо ее помнил, во всяком случае, он так утверждал.

Он ненавидел мать. Ненавидел за то, что знал: их кормежкой в годовалом возрасте занималась двоюродная сестра матери — тетка Варя, ненавидел, потому что однажды, когда маленькому Митричу исполнилось три, мать выкрутила ему руку так (он просто долго хныкал, потому что хотел есть), что детские хрупкие кости не выдержали и треснули, как сухая щепка, ненавидел, потому что загаженный мухами стакан с мутным пойлом заботил ее больше, чем он и Ярослав.

Потом их мать исчезла. Просто исчезла, испарилась, как сизое кольцо сигаретного дыма, оставив голодных и замызганных близняшек в нищей коммуналке. Поговаривали, что ее пырнули ножом во время какой-то пьянки, но Митрич не особенно верил в это.

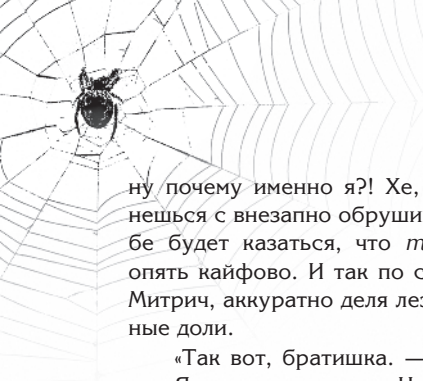
«Я готов целовать ботинки тому, кто соизволил снизить до расплаты с ней и прекратил ее грязное существование. Но много чести. Бьюсь об заклад, что наша мамаша до сих пор заживо гниет в какой-нибудь подворотне в обнимку с бутылкой», — говорил он Ярику.

Что касается отца, то о нем не знали ни мать, ни тетка Варя. После исчезновения своей сестры она, недолго думая, забрала ребятишек к себе в Кемерово, в уютный домик с нехитрым хозяйством.

Это она дала им имена. Это тетка Варя, с грубоватым голосом и мозолистыми, теплыми руками, лезла из кожи вон, чтобы пристроить ребят в школу и хоть как-то приодеть. Своих детей у нее не было, и всю ласку, любовь и доброту она самозабвенно отдавала им. И все вроде бы стало постепенно налаживаться, но...

Митрич часто говорил, что жизнь — как зебра.

«Все идет по принципу черных и белых полос, Ярик. Таков закон этой гребаной жизни. Сначала тебе кайфово, и тебе кажется, что так будет всегда. Когда ты к этому привыкаешь и перестаешь благодарить Бога, ты думаешь, что это само собой разумеющееся. В таком случае для сравнения жизнь подсовывает тебе какую-нибудь подлянку. Тогда ты рвешь на голове волосы и вопишь: Боже,

ну почему именно я?! Хе, да потому. И когда ты свыкнешься с внезапно обрушившейся на тебя проблемой, тебе будет казаться, что *так было всегда*. Хоп! Потом опять кайфово. И так по спирали», — разглагольствовал Митрич, аккуратно деля лезвием бритвы порошок на равные доли.

«Так вот, братишка. — Он покровительственно хлопал Ярика по плечу. — Наша с тобой жизнь похожа на зебру, которую окунули в деготь, и отмыться ей от этого дерьма нет никакой возможности. Но ты не унывай. — С этими словами он осторожно вдыхал порошок, стараясь, чтобы ни одной крупинки не просыпалось. — Следуй следующему правилу — когда тебя трахают и ты ничего не можешь сделать, постарайся извлечь из этого максимум удовольствия. — Митрич чихнул. — Само собой, эта аксиома подлежит расширительному толкованию», — добавил он назидательным тоном.

(Ярика всегда восхищало умение Митрича витиевато изъясняться, несмотря на то, что своими познаниями в школе учителей он особенно не радовал.)

Митрич вмазывается уже почти как два года. По большому счету, это и явилось причиной их поспешного бегства. Но об этом — после.

...Двери электрички закрылись, зажав ногу девушки. Испуганно вскрикнув, она попыталась выдернуть ногу, но поезд внезапно тронулся. В толпе раздались охи да ахи, но никто не решился приблизиться к бедняжке, которую волочил набирающий с каждой секундой скорость поезд. Их тетка была в толпе... Ей удалось вырвать девушку из дверей. Удалось ценой своей жизни — ее правая нога попала в пролет между перроном и движущимся поездом. Заплаканная девчонка с ободранными в кровь коленками откатилась в сторону, а тетку Варю затянуло в пролет полностью, как в пылесос, и размазало по стенкам платформы, словно подтаявшее мороженое, которое малыш размазывает ложкой по стенкам бумажного стаканчика.

Машиниста выкинули с работы. Муж тетки некоторое время держался, после чего крепко запил, и однажды после очередных возлияний устроил дома пожар, в котором и сгорел вместе с домом...

— Нам понадобятся еще деньги. Тех, что мы взяли на бензоколонке, хватит лишь на жарчку, — вновь подал голос Митрич.

— Думаю, тебе необязательно было доставать писто-

ПАРАЛИЗОВАННАЯ

лет, — осторожно заметил Ярик. — Этот парень наверняка запомнил нас.

— Ничего, пусть теперь портреты наши рисует. Или ты хотел, чтобы мы подошли к нему, наклонившись в третьей позиции, и промямлили что-то типа: «Многоуважаемый господин! Мы должны кучу бабок не менее уважаемому Хохе, к тому же хотим поесть, попить и так далее. Не соизволите ли вы открыть кассу и отдать нам все ваши деньги? Премного благодарны, спасибо за внимание». Нет, так не пойдет.

— Зато теперь за нами будут охотиться не только Хоха с его гориллами, а еще и менты, — нервно произнес Ярик.

— Мне нужно вмазаться, — словно не слыша его, вдруг сказал Митрич.

Ярик с неудовольствием посмотрел на брата. Он никак не мог взять в толк, зачем так насиловать свое тело ради того, чтобы получить порцию каких-то паршивых наркотиков. Сам он пробовал их несколько раз, но только лишь из солидарности с братом. Откровенно говоря, ничего особенного. Намного больший кайф Ярик ловил от пива, девочек и музыки. Когда-то он даже играл на ритм-гитаре в группе «Кранты», хотя назвать музыкой то ужасное и зубодробящее, что он и пара обкуренных патлатых юнцов извлекали из гитар, назвать можно было с большой натяжкой. Но наркотики — это одно. Ярика больше бесило то, что из-за Митрича он сам погряз по уши в дерьме, и у него были большие сомнения насчет того, что Хоха будет с ними церемониться, когда до них доберется.

— Хочешь, я сяду за руль? — спросил он.

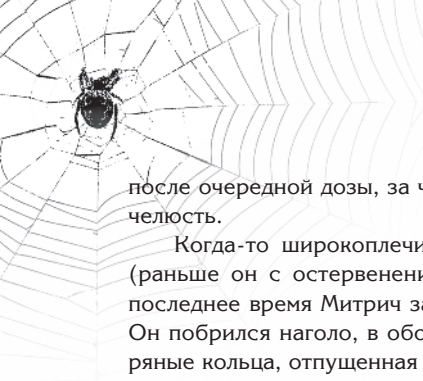
— Мне нужно вмазаться, — повторил Митрич. — У меня осталось совсем мало.

— Так ты хочешь есть или ширнуться? — ехидно поинтересовался Ярик.

— Заткнись.

Ярик со вздохом отвернулся.

По правде сказать, сейчас они меньше всего были похожи на братьев. У обоих раньше были длинные, до пояса волосы, которые Митрич недавно состриг из-за очередных глюков. К тому же, утверждал Митрич, эти патлы чертовски мешают драться. Ярик с серьезным видом поинтересовался, уж не с зелеными ли чертиками приходится драться бедному Митричу, которых он частенько видит

после очередной дозы, за что чуть не получил от брата в челюсть.

Когда-то широкоплечий, с накачанными бицепсами (раньше он с остервенением занимался со штангой), в последнее время Митрич заметно похудел и как-то усох. Он побрился наголо, в обоих ушах поблескивали серебряные кольца, отпущенная коротенькая борода несколько сглаживала худобу его лица. На нем вытертая до белизны кожаная жилетка, потертые брюки цвета хаки и военные ботинки, обитые металлическими пластинами. Ярик помнил, как иногда его брат возвращался после очередных разборок и его ботинки были темно-красного цвета. После этого он никогда не напоминал Митричу про зеленых чертиков. Что-что, а драться его брат умел.

Ярик, в отличие от брата, оставил волосы и продолжал заниматься штангой. Он ненавидел всякого рода растительность на лице и часто посмеивался над Митричем, называя его бородку «п... под носом», при этом ежедневно скоблил себе лицо опасной бритвой, такой же, как у Митрича. На голом крепком теле джинсовая жилетка, плечи покрывали цветные татуировки. Военным брюкам и ботинкам Митрича он предпочитал узкие джинсы и разбитые ковбойские сапоги со стоптанными каблуками.

— Где Крейсер? — прерывистым голосом спросил Митрич. «Опель» поднялся на пригорок, и впереди мелькнуло небольшое строение.

Ярик посмотрел на заднее сиденье:

— В банке. У него, в отличие от нас, нет проблем, Митрич.

Крейсер — паук Митрича. Он с детства питал необъяснимую любовь к паукам и перечитал массу литературы об этих существах. Мохнатый, темно-коричневого цвета таранул, он мог часами сидеть в одной позе, настороженно следя за тем, что происходит снаружи (Митрич нашел для него прозрачный пластиковый контейнер с отверстиями для доступа кислорода). Правда, Ярик никак не мог въехать в смысл имени. Несмотря на скудное образование, он знал, что крейсер — это такой военный корабль, даже в Питере такой стоит, «Аврора» называется. При чем тут паук? Впрочем, вразумительных объяснений на этот счет он от Митрича не получил. Ну, Крейсер и Крейсер. Если бы было настроение, назвал бы Танком, или БТРом...

ПАРАЛИЗОВАННАЯ

Вскоре они проехали знак, указывающий, что они въехали в город...

— По-моему, впереди кафе, — сказал Митрич, напряженно вглядываясь вперед. Они подъехали к небольшому двухэтажному домику. Вывеска над заведением гласила:

АНШЛАГ

Чуть ниже:

Круто закусить у Витька!

Еще ниже более мелкими буквами:

Внимание!

Ближайшая закусочная — через 70 километров.

Лучшая еда в здешних местах!

Митрич стал вылезать из машины.

— Давай, Ярик, вылезай, — нервно проговорил он, хлопая дверью. — Посмотрим, как готовит этот чувак Витек.

Ярик внимательно разглядывал закусочную. Она представляла собой небольшой ветхий двухэтажный домик с давно облезлой краской. Над дверью висел высушенный солнцем и ветрами коровий череп с обломанным рогом. На обочине были припаркованы бензовоз и две длинные запыленные фуры, у самых дверей стояла темно-синяя «пятерка». Слева, чуть позади строения, находилась крошечная заправочная станция, которая была закрыта.

— Ты идешь? — повысил голос Митрич. Ярик уже видел, что он находится на грани срыва, его руки мелко дрожали, лицо покрылось бисеринками пота, несмотря на усиливающееся пекло.

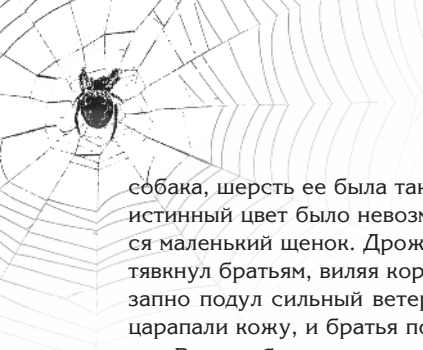
— Не нравится мне это место, — сказал Ярик, медленно открывая дверь. — Может, поедем дальше?

Митрич уставился на Ярика как на круглого идиота:

— Ты читать умеешь? — Он указал трясущимся пальцем на вывеску. — Никого живого, черт тебя дери, на протяжении семидесяти кэмэ! Нам нужно заправиться. Если струсил, так и скажи. — С этими словами Митрич направился к дверям заведения.

Ярик хотел съязвить, что он прекрасно знает, как и чем собирается заправиться Митрич, но тот уже направился к бару. Ярик закрыл окна и вышел из машины.

У растрескавшихся ступенек в пыли лежала тощая

собака, шерсть ее была такой грязной, что определить ее истинный цвет было невозможно; рядом робко притулился маленький щенок. Дрожа всем телом, он заискивающе твякнул братьям, виляя коротким хвостом. С востока внезапно подул сильный ветер, мелкие песчинки неприятно царапали кожу, и братья поспешили войти внутрь.

Внутри было немного прохладней и царил полумрак. Людей в закусочной было немного, они все с интересом вперили в братьев взгляды. Слева на стойке возвышался обшарпанный музыкальный центр, залепленный жирными пятнами, из которого вперемешку с хрустом и скрежетом доносились звуки какой-то попсы; центр напоминал певца, который старался спеть песню с горячей кашей во рту. С потолка дохлыми змеями свисали грязные липкие ленты, на которых нашли свою смерть неудачливые мухи.

«...И я возьму тебя с собо-о-о-о-й! Мы полетим с тобой к звездам!..» — надрывно несло из колонок, причем распознать пол исполнителя из-за гнусавого голоса было непосильной задачей. Ярик поморщился. Ну и дыра!

Неторопливо вытирающий стаканы у стойки сутулый бармен с обширной лысиной окинул вошедших равнодушным взглядом.

Митрич подошел прямо к нему:

— Чего-нибудь пожрать и пива. Две порции.

Бармен понимающе кивнул, не отрываясь от своего занятия.

— И еще. Где у вас туалет?

Лысый поднял на Митрича мутные глаза:

— А бабки-то у тебя есть?

У него были редкие желтые зубы, загнутые внутрь, как у капкана. Митрич побагровел.

— Разве так бармен должен отвечать, когда клиент делает заказ? — прошипел он, наклоняясь к испуганно отпрянувшему бармену.

Лысый затравленно кивнул и вытянул дрожащую руку, указывая на какую-то дверь.

— Туалет там.

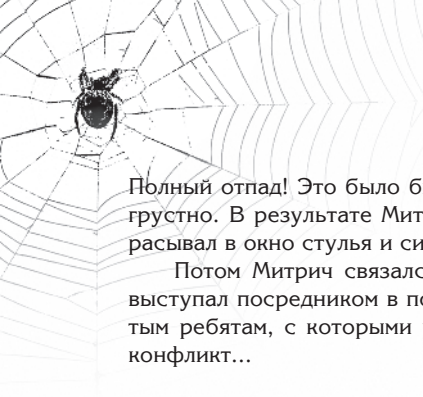
Ярик обратил внимание на его сальные руки с черными ногтями и, не скрывая отвращения, поморщился. Когда Митрич торопливо проследовал в указанном направлении, к бармену откуда-то из темноты, прихрамывая, подошла толстуха с круглым чумазым лицом. Лысый что-то ей сказал и стал торопливо откупоривать бутылку пива. Ярик уселся за свободный столик и сцепил перед собой руки.

ПАРАЛИЗОВАННАЯ

...Нет, определенно так дальше продолжаться не может. Митрич перестает контролировать себя, и с ним становится все более опасно. Ярик с горечью сделал для себя неутешительный вывод: как бы он ни любил и ни уважал брата, в один прекрасный момент ему придется оставить его. Оставить в целях собственной же безопасности. Ни о каком лечении от наркомании (Господи, какое лечение?! Слово «лечиться» и Митрич сочетаются так же нелепо, как благоухающая роза с крышкой зловонного унитаза) Митрич даже думать не хотел, и даже теперь, когда они в бегах, для него инстинкт самосохранения перед желанием вмазаться отошел на второй план. Сказать Митричу: «Брось ширяться, и станешь счастлив!» — было все равно, что сказать Ромео: «Убей Джульетту, и тебе станет легче...»

...Митрич когда-то был грозой района и в связи с этим частым гостем (в основном поневоле) в местном отделении милиции. Малолетние проститутки, контроль над местными воришками, сбор дани с других районов, грабеж случайных прохожих — все это было в пределах его контроля. И хотя они были близнецами, улица отдавала предпочтение именно Митричу, его необузданной ярости, силе, изворотливому уму. Его боялись и уважали, молодые мамы пугали его именем своих непослушных детей, каждая вторая девчонка района готова была на все, лишь бы Митрич обратил на нее внимание, не говоря уже о том, чтобы оказывал ей свое покровительство. Но в один прекрасный день он вернулся в их небольшую съемную квартирку совсем другим. Тогда им было по семнадцать...

Все началось с торговли. Новые знакомства, связи, трали-вали, в итоге — постоянные разговоры о «дознячке», абстинентный синдром, галлюцинации, бредовые идеи и тому подобное. Ярик помнил, как однажды Митрич ввалился домой под жутким кайфом. Он уселся в старое кресло и закинул ноги в ботинках прямо на стол. Вытащив из кармана опасную бритву, он стал спрашивать, почему корова ест траву зеленого цвета, а молоко получается белым. Потом он сказал, что корова, которая не дает молока, называется жадиной-говядиной. Ярик, нахохлившись, слушал этот бред. Ему было и смешно, и страшно одновременно. Затем неожиданно Митрич стал размахивать бритвой в воздухе и издавать звуки, отдаленно напоминающие пчелиное жужжание. Ярику он пояснил, что он — пчела и охотится за летающими электроблинчиками.

Полный отпад! Это было бы смешно, если б не было так грустно. В результате Митрич разбил телевизор, повыбрасывал в окно стулья и сильно порезал себе руку...

Потом Митрич связался с местными наркоманами и выступал посредником в поставке героина каким-то крутым ребятам, с которыми у него и произошел недавний конфликт...

2

Все произошло до идиотизма просто и с катастрофической точностью. Позже Ярик клял себя за то, что решил в тот день навестить своего брата. Ведь все могло быть иначе...

Он уже полтора года не видел Митрича и о его очередных подвигах знал только по слухам. Поговаривали, что брат успел отсидеть год за решеткой (находясь под кайфом, попытался «разжаловать» сержанта, то есть сорвать с него погоны), вышел и снова взялся за старое.

В тот злополучный день Ярик собирался ехать в Красноярск. Один старый знакомый предложил подзаработать, да и Ярику самому осточертело болтаться на одном месте. Кроме того, последнее время он обитал в Омске, а там за ним водились кое-какие грешки... Ничего особенного, просто как-то на одной из вечеринок он переспал с симпатичной девочкой, которая оказалась дочкой начальника окружного УВД. Все бы ничего, но девушка залетела. Отец узнал об этом, скрупулезно изучил биографию Ярика и почему-то захотел познакомиться поближе со своим потенциальным зятем. Желательно у него в кабинете. Это не вызвало особого восторга у Ярика, и он решил смыться. Он понимал, что поступает не по-джентльменски, но инстинкт самосохранения оказался сильнее... В конечном счете, как потом признался себе юноша, поездка в другой город в большей степени была спровоцирована именно этой историей, а смена работы — уже второстепенное дело.

Перед отъездом он неожиданно оказался в знакомом районе и вспомнил о Митриче. Родственные чувства дали о себе знать, и после недолгой борьбы с самим собой он поехал на квартиру, которую, по последним сведениям, снимал его брат. Поехал, несмотря на то,

ПАРАЛИЗОВАННАЯ

что каждая встреча с Митричем в лучшем случае заканчивается какой-нибудь разборкой с местной шпаной или ментовкой. Он долго жал на звонок и уже собирался уйти, как дверь открылась и его бесцеремонно втоптали внутрь.

— Ты кто? — прямо спросил его здоровенный мужчина в костюме. От него за версту несло парфюмом, пальцы были унизаны массивными перстнями.

— Ярослав, — осторожно ответил юноша. — А ты кто?

Громила усмехнулся:

— Шмель. Слышал?

Ярик кивнул, чувствуя, как его охватывает страх. Еще бы не слышал! Митрич как-то рассказывал о нем. Шмель, правая рука Хохи, одного из крутых нарковоротов в столице... Его настоящего имени никто не знал, но поговаривали, что эта кличка подразумевает не известного всем полосатого летающего насекомого, а... гранатомет. Что ж, если сам Шмель пожаловал в захолустную квартирку к Митричу, то его брат вляпался по-крупному.

— Ну пошли, Ярослав Мудрый. — Он подхватил Ярика за локоть.

Молодой человек хотел возмутиться, но из коридора показались еще двое мордovorотов, и он благоразумно промолчал.

Они прошли в комнату, и Ярик увидел брата. Митрич имел жалкий вид — сгорбленная фигура, трясущиеся руки. Бледное лицо и постоянное почесывание говорили сами за себя — Митрича ожидала ломка.

— Кто это? — вежливо поинтересовался Шмель у Митрича, и тот ответил, не поднимая головы:

— Мой брат.

— Да, сходство определено есть, — сделал вывод громила и тут же потерял к Ярику интерес. Бритоголовые гориллы изредка бросали на него тяжелые взгляды, от которых у Ярика сосало под ложечкой. Он со страхом вслушивался в разговор, понимая, что теперь-то Митричу уже не отмазаться.

Как он понял из последующего разговора, Митрич выступил посредником между Хохой и некими крутыми ребятами из Питера в поставке большой партии героина. Эти парни что-то там нахимичили и кинули Хоху.